

РОССИЙСКИЕ ЭЛИТЫ: ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

А.К. Магомедов

РЕСУРСНАЯ БАЗА ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ СЫРЬЕВОЙ ПАРАДИГМЫ

В статье исследуется феномен ренто-ориентированного поведения пост-советской российской власти. Исследована преемственность ренто-ориентированного поведения на различных этапах пост-коммунизма в отношении самого важного отечественного ресурса — нефти. Доказано, что контроль над существующими ресурсами стал для различных правящих групп России большим благом, чем иные доступные альтернативы. Отмечено, что система извлечения ренты представляет собой непродуктивную форму социальной стабилизации в переходном обществе.

Ключевые слова: *Пост-советский переходный период, Ренто-ориентированное поведение, Нефть, Центр-периферия, «Кремленизация» ресурсного контроля.*

ПРЕАМБУЛА: НЕФТЬ И РОССИЯ

За последние 15 лет нефтегазовый фактор обусловил впечатляющие изменения в характере отечественной экономики и политики. Вкратце их можно свести к следующим тенденциям:

Первая. В экономике России закрепились устойчивая сырьевая ориентация с упором на нефть и газ. Нефтегазовая отрасль стала наиболее успешным сектором отечественной экономики в постсоветский период. Если в 2000 г. доля нефтегазового сырья в российском экспорте

составляла 30 %, то в 2008 г. — 54 %¹. В последние годы, как отметил известный экономист Сергей Глазьев, наблюдается немислимый для развитой страны «сырьевой перекося» российской экономики: больше 3/4 госбюджета формируется за счет продажи минеральных ресурсов². Поскольку нефть является природным ресурсом, позволяющим получать значительные доходы, контроль над российской нефтью стал методом жесткой конкуренции в постсоветский период.

Вторая. В результате неуправляемой децентрализации общества в 1990-е годы российские регионы получили значительный контроль над природными богатствами в своей географической юрисдикции. Дальнейшая регионализация государства и локализация власти стимулировали конкуренцию различных местных политических сил за контроль над экономикой и ресурсами.

С началом путинской централизации власти и подавления локальных эгоизмов борьба за контроль над ресурсами переместилась с регионального на национальный уровень.

Третья тенденция, тесно связанная с двумя первыми, заключается в том, что за годы рыночных реформ в России утвердилась колоссальная поляризация объема доходов между регионами, невиданная доселе территориальная перетасовка национального фонда зарплаты³.

Четвёртая. Банковская элита, которая в первой половине 1990-х годов олицетворяла мощь и блеск отечественной бизнес-элиты, сумела сохранить свое влияние, перейдя в разряд нефтьмагнатов как реальной элиты богатства в новых условиях⁴.

¹ Россия в цифрах. М.: Госкомстат России, 2000. С. 356, 368–369; *Иноземцев В.* Порвать с традицией // ЭкстраТекст. 2009. Вып. 2. Ч. 9. <<http://www.politstudies.ru/extratext/lm/flm009.htm>>.

² *Глазьев С.* Дискуссия «Между выборами». Экспертный опрос газеты «Завтра» // Завтра. 2008. № 5 (741), 30 января. С. 1. Эти пропорции сохранены и сегодня.

³ *Иванов К.* Пропась между регионами — угроза целостности России // Экономика и жизнь. 1997. № 8. февраль. С. 1. Подобная тенденция сохранилась и в 2000-е годы. За последние десять лет российская экономика испытала четко выраженное неравенство доходов как между регионами, так между городскими и сельскими сообществами внутри регионов. Ошеломляющий рост нефтедоходов в 2000–2013 гг. лишь усилил такое развитие.

⁴ Эту тенденцию одним из первых исследовал Евгений Хартуков: *Khartukov E.* Bankers becoming new masters of oil companies // Petroleum Economist. 1997. Vol. 64. No. 2. P. 6–8.

Сегодня очевидно, что все уровни российской экономики оказались в неумолимой сырьевой зависимости, заставляя многих отечественных аналитиков строить тревожные прогнозы по поводу перспектив российской модернизации¹.

ФЕНОМЕН RENT-SEEKING: АВТОРСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ АНАЛИЗА

Здесь необходимо дать дополнительное уточнение понятия «рентоориентированного поведения» (*rent-seeking*), поскольку данный термин интерпретируется и понимается по-разному. Для объяснения политических интересов в переходном обществе, каким является Россия, я обратился к концепту *рентоориентированное поведение (rent-seeking)*, описанном Андерсом Аслундом².

Я не рассматриваю экономическое измерение рентоищущего поведения. Я также не пытаюсь объяснить процесс извлечения экономической ренты.

В самом общем виде принято различать экономические (прибылеориентированные) и политические (рентоориентированные) инвестиции. Я подчеркиваю политический аспект феномена *rent-seeking*. Политическое содержание феномена выражается в том, что он развивается в контексте неустойчивой стабилизации России как переходного общества на пути к рыночной экономике. Рентоориентированное поведение реализуется в виде стремления к узурпации прав на распределение и перераспределение ресурсов. В условиях сложной переходной российской ситуации, как будет показано, система извлечения ренты представляет собой непродуктивную форму социальной стабилизации. Благодаря ей определенные группы, блокируя рыночную конкуренцию, добиваются осуществления своих интересов.

Нужно выделить два этапа, в которых рентоориентированное поведение имело разные формы и масштабы проявления. **Первый этап:**

¹ Такая тревога ощущалась еще до начала «нефтяной эры», которую сегодня повсеместно связывают с именем В. Путина. См., например: *Квитко Е.* Нефть вместо реформ. Интервью с исполнительным директором Экспертного института А. Нещадиным // Московские новости. 2000. № 13, 4–10 апреля, С. 10.

² *Aslund A.* Reform versus “Rent-Seeking” in Russia’s Economic Transformation // *Transistion*. 1996. Vol. 2. No. 2. P. 12–16.

1990-е годы. Бурная фрагментация российской политики в тот период привела к децентрализации рентоориентированного поведения. На региональном уровне шел активный процесс группообразования и складывания специфических интересов, в том числе рентоориентированных практик. **Второй этап:** 2000-е годы. На этом этапе принцип «рентоориентированного поведения» не изменился. Изменился вектор его действия — произошла централизация и «кремленизация» рентных практик и создание «государства-рантье».

В обоих случаях система ренты — результат сложных комбинаций, в которые вовлечены как бизнес, так и государство на разных уровнях и в разных сочетаниях. В обоих случаях политизация нефтяного бизнеса свидетельствует о том, что нефть стала для властей большим благом, чем иные доступные альтернативы, в том числе для решения социальных проблем.

ЭПОХА ЕЛЬЦИНА: ФРАГМЕНТАЦИЯ ОБЩЕСТВА И РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ РЕНТНЫХ ПРАКТИК (КАСПИЙСКАЯ НЕФТЬ И РОССИЙСКИЕ РЕГИОНЫ: ХАРАКТЕР И НАПРАВЛЕНИЯ ЛОКАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СТИМУЛОВ)

Рассмотрим процесс вовлечения региональных политических элит в транспортировку каспийской нефти. Это было связано с тем, что во второй половине 1990-х годов началась реализация грандиозного нефтяного проекта на юге России — строительство экспортного нефтепровода Каспийский трубопроводный консорциум (КТК). Проект обеспечил транспортировку казахстанской нефти с северо-каспийского месторождения Тенгиз к российскому порту Новороссийск на Черном море.

Коротко обрисую контекст вовлечения региональных правящих групп в ресурсно-распределительный процесс. Политическая децентрализация 1990-х годов открыла конкуренцию за контроль над экономическим имуществом и ресурсами. На местах региональные лидеры создавали систему «административного рэкета» и так называемой «губернаторской экономики». Это помогало им консолидировать свою политическую базу, поскольку население обращало свои ожидания к региональным властям.

Региональные политические элиты не были связаны друг с другом координирующими ограничениями. Данное обстоятельство позволяло им сохранять свободу действий, проистекавшую исключительно из со-

ображений индивидуальной политической выгоды. Напряжение, создаваемое межрегиональным неравенством, нередко разряжалось путем политического конфликта. Неравенство стало политической проблемой, поскольку в отсутствии инвестиций и рынка труда в регионах были затруднены экономическая адаптация и реакция на рыночные сигналы. В таких условиях естественные географические условия — доступ к природным ресурсам и коммуникациям, ведущим во внешний мир, — стали важными источниками сравнительных преимуществ российских регионов.

Хронический бюджетный кризис, завершившийся дефолтом 1998 г., привел к тому, что региональные лидеры перестали рассчитывать на субсидии федерального центра. Борьба за ренту стала одним из основных стимулов ведения регионального хозяйства.

Это особенно ярко проявилось на примере трех аграрных регионов с уникальной специализацией: Астраханской области (рыбная отрасль и промысловое стадо осетровых), Калмыкии (овцеводство), Краснодарского края (развитое сельское хозяйство и курортно-рекреационный комплекс). После того как в конце 1990-х годов по этим территориям начали прокладывать нефтепровод КТК, их лидеры заявили о своих нефтегазовых приоритетах. Региональные правящие группы, городские власти и общественность оказались втянуты в публичную политическую борьбу и торг с трубопроводным консорциумом¹. Предмет борьбы и торга — объемы денежных отчислений от консорциума в региональные и местные бюджеты.

Здесь можно дать обобщенный ответ на вопрос, что пытались сделать региональные элиты перед лицом ожидаемого нефтяного бума. Существовал общий мотив для локальных элит во всех трех рассматриваемых провинциях: местные элиты пытались держать контроль над транзитными и сырьевыми ресурсами для собственной политической выгоды. Оказавшись совершенно неожиданно на пути следования «большой каспийской нефти», региональные власти демонстрировали рентоищущее (*rent-seeking*) поведение.

Нефтяной и транспортный факторы критически изменили стимулы и поведение ведущих экономических и политических игроков на дан-

¹ Данные процессы в подробностях описаны в: Магомедов А., Никеров Р. Большой Каспий. Энергетическая геополитика и транзитные войны на этапах посткоммунизма. Ульяновск: УлГУ, 2010. С. 36–94.

ных территориях. Региональные лидеры цеплялись за убеждение, что приток денег от транспортировки нефти может стать средством решения проблем, с которыми столкнулись их регионы. Это создавало почву для политических битв среди региональных элит за контроль над сырьевыми богатствами и транспортными потоками на фоне деградации национальной и региональной экономик.

Тогдашние политические лидеры Астраханской области, Краснодарского края, а в еще большей степени Калмыкии публично демонстрировали поведение рантье-элиты, выказывая энтузиазм возможностью «снимать пенки» от экспорта нефти. Ожидание «большой нефти» и связанная с ним эйфория спровоцировали жесткую политическую конкуренцию между соперничающими региональными элитами, которые начали бороться за контроль над этим новым ресурсом.

Данная мотивация, в частности, привела к острому территориальному конфликту между Астраханской областью и Калмыкией, в основе которого лежало стремление получать большую долю отчислений за перевалку нефти по спорным землям. Политические элиты обоих регионов рисовали перед своим населением красочные картины и диаграммы будущего обогащения. Так, в одном из своих интервью бывший президент Калмыкии К. Илюмжинов заявил, что Калмыкия должна стать нефтяной республикой, а «когда мы доведем нефтедобычу до 3 млн. т, то жители Калмыкии могут уже не работать». Аналогичные заявления делал обычно сдержанный в таких случаях бывший губернатор Астраханской области Анатолий Гужвин¹.

Уход Бориса Ельцина с поста Президента РФ и появление Владимира Путина как общенационального лидера тут же вызвали к жизни множество вопросов: что принесет региональным властям окончание эпохи Ельцина? Будут ли региональные власти лишены возможности получать ренту от «трубы» в виде отчислений от КТК и тем самым политизировать нефтедобычу и транзит нефти?

В первые месяцы путинского президентства в 2000 г. эти процессы не получили своего разрешения, и многие наблюдатели осторожно высказывались о том, что давление федерального центра на региональное руководство может иметь свои пределы. Однако наиболее проницатель-

¹ *Серенко А.* Кирсан Илюмжинов: «Власть будет еще жестче» // НГ-Регионы. 1998. № 15. С. 4; *Серенко А.* Война улусов // НГ-Регионы. 1999. № 2. С. 9.

ные аналитики предчувствовали впечатляющие изменения в российской политике.

Точнее всех развитие российского нефтегазового сектора предвидел британский ученый Дэвид Лэйн в книге «Политическая экономика российской нефти»¹, которая вышла под его редакцией в 1999 г., когда в России еще царила ельцинская политика. Британский специалист в общих чертах предсказал возможность движения Кремля в сторону создания, как он выразился, «самодвижущейся» формы капитализма с энергетической индустрией во главе. Но поскольку такой сценарий не соответствовал интересам доминирующих на тот момент экспортно-ориентированных частных нефтяных корпораций, ключевым фактором и ведущей силой такого развития мог стать только институт президентства. «Более государственно и националистически ориентированный президент мог бы повернуть страну в направлении более корпоративного госкапитализма», - размышлял Д. Лэйн в предисловии к своей книге. Вряд ли он мог предположить, насколько точным окажется его прогноз. Однако всё случилось именно так.

ОТ ЕЛЬЦИНА К ПУТИНУ: «КРЕМЛЕНИЗАЦИЯ» РЕНТОИЩУЩЕЙ ПАРАДИГМЫ И СОЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВА-РАНТЬЕ

Начало XXI столетия ознаменовалось для России появлением Владимира Путина как убедительной национальной силы. Подъем национального государства во главе с новым президентом оказался самой актуальной политической эмоцией в России в начале XXI в. Восстановление государства стало более сильным и исторически важным для России, чем глобализация и демократия, которые, как казалось, были на подъеме в 1990-е годы. Силы глобализма и локализма, которые маршировали по планете и по России, с началом нового столетия ушли в глухую оборону. Напротив, национальные интересы и эгоизмы наряду с силовым фактором стали превалировать над надеждами и иллюзиями «демократического транзита».

В этом разделе будет исследовано влияние нефти и ресурсного фактора в целом на способ внутреннего устройства российской политики 2000-х годов.

¹ Lane D. Introduction: The Political Economy of Russian Oil / Ed. by D. Lane. Lanham; Boulder; N.Y.; Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 1999. P. 10.

Ельцинский режим выживал за счет децентрализации власти. Эпоха Б. Ельцина (1990-е годы) связана с децентрализацией и персонализацией политического и экономического влияния региональных лидеров. В атмосфере политической неопределенности и сиюминутного целеполагания местные лидеры, как было показано, руководствовались «рентоищущим» поведением для расстановки локальных приоритетов.

Напротив, путинский курс был направлен на централизацию политической власти в стране и деперсонализацию политического процесса на местах. Это потребовало подавления локальных политических эгоизмов. Одним из инструментов такой политики стала финансовая централизация. Одновременно началась централизация сырьевых ресурсов в стране, которая усиливалась по мере нарастания идущего параллельно «ресурсного накопления» в мире.

Поскольку данный фактор важен для последующего анализа, коротко напомним суть глобального феномена «ресурсного накопления». После 11 сентября 2001 г. мир вступил в полосу геополитического наращивания территорий (в смысле сырьевых месторождений, морских проливов, транспортных коридоров, маршрутов нефте- и газопроводов), сырья и ресурсов посредством войн. Приобретение углеводородного месторождения или маршрута нефте- и газопровода напрямую начало переводиться в геополитический рост государства. «Ресурсный эгоизм», став новым фактором мировой политики, серьезно повлиял и на характер политического поведения ключевых российских субъектов. Зафиксировав это, я вернусь к политике путинской финансовой централизации.

Самым важным фактом стало то, что по новому налоговому законодательству 100 % налога на добычу природных ресурсов начали поступать в федеральную казну. Регионы отреагировали на это с нескрываемым недовольством. Новая бюджетная политика федерального центра была охарактеризована депутатами, например Астраханской областной думы, как «уничтожающая территории». Ряд местных депутатов даже выступил с предложением объявить бойкот выборам в Госдуму в декабре 2003 г. с целью обратить внимание федерального центра на нужды региона. Не менее резкая реакция последовала из Элисты. Так, решение российского правительства о 100%-ном перечислении в федеральный бюджет денег на прокачку нефти и арендной платы за использование территории Калмыкии нефтепроводом «Тенгиз — Новороссийск»,

было названо «грубейшим нарушением принципов федерализма и элементарной справедливости»¹.

Однако такой поворот полностью соответствовал путинскому курсу на централизацию государства и подавление дополнительных центров политического влияния, в данном случае региональных. Как результат, региональные власти оказались лишены возможности получать ренту от «трубы» в виде отчислений от КТК и тем самым политизировать нефтедобычу и транзит нефти.

«ФАКТОР ПУТИНА» В РАЗВИТИИ РОССИЙСКОЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

В начале XXI столетия в России стартовало десятилетие «нефтяного бума», связанного с тем, что с 2002 г. мировые цены на нефть начали свое триумфальное шествие по планете. Если сравнить цены барреля нефти в 1996 г. и десять лет спустя, разница окажется почти десятикратной.

Понять развитие российской нефтегазовой политики невозможно без учета того факта, что ее развитие определяет лично В. Путин. Энергетическая политика России в значительной степени личный проект Путина, — не без оснований считают многие аналитики и топ-менеджеры нефтяного бизнеса. «Путин — лидер, который не раз продемонстрировал недюжинное знание экономической и политической стороны и даже технических деталей энергетического бизнеса. Тем самым доказывая, что он политик, питающий глубокий интерес к важной отрасли экономики страны», — пишет американский обозреватель Эндрю Крамер². Бывший президент ВР лорд Джон Браун выразился не менее лестно: «Путин был хорошо информирован, он многое знал и о ВР, и обо мне. Я помню, как подумал про себя: независимо от того, за что выступает Путин, это исключительно компетентный человек»³.

¹ См.: Магомедов А., Никеров Р. От Большого Каспия до Сахалина. Характер и рубежи борьбы за энергоресурсы Северной Евразии на этапах посткоммунизма. Ульяновск: УлГУ, 2011. С. 97–98.

² Kramer A. Moscow Boost Ties on Energy // The International Herald Tribune. 2009. 30 January. P. 3.

³ Brown J. Regardless of what Putin stands for, he is exceedingly competent // The Times. 2010. 5 February.

Как бы то ни было, очевидным является понимание Путиным роли энергетических ресурсов России как ключевого фактора продвижения ее национальных интересов. С момента своего прихода к власти в 2000 г. Путин считал, что экспорт природных ресурсов и, в частности, энергоносителей финансово обеспечит экономическое возрождение государства. Именно это дало основание американскому ученому, известному исследователю России Маршаллу Голдману сказать, что «Россия восстала из пепла в качестве нового вида сверхдержавы — той, чья мощь опирается на экономику и энергетику»¹.

В течение восьми лет Путин в экономической политике осуществил задачу создания системы, способной пользоваться преимуществами рыночной экономики и одновременно гарантирующей подчиненность интересов частного бизнеса стратегическим интересам государства.

В рамках этой политики государство усмирило известного нефтемagnата Михаила Ходорковского. Другим важным шагом было изменение в пользу России соглашения о разделе продукции (СРП) на Сахалине, которое Путин назвал «колониальным». В отличие от публикаций недовольной западной прессы об экономической стратегии Путина, суть которой поверхностно и вульгарно представлялась как «национализация», Маршалл Голдман оценил данный курс в контексте стремительно растущей тенденции «ресурсного накопления» во всем мире. «Говоря по совести — писал он в книге «Нефтегосударство», — то, как российское государство реагирует на попытки иностранных инвесторов выкупить его энергетические ресурсы, очень похоже на реакцию и поведение других стран в схожей ситуации»².

Принято считать, что после федеративной реформы и «равноудаления» олигархов, венцом которого явилось «дело ЮКОСа», государство стало в значительной степени автономным от внешних групп влияния. Тезис весьма спорный. При этом несомненным является то, что правящая элита, как будет показано, сама стала распадаться на несколько группировок. Коммерческое использование этими соперничающими кланами государственных ресурсов говорит о том, что высший государственный аппарат не стал свободным от различных групп интересов. Ярким примером подобного развития событий стали планы, а затем

¹ *Marshall G.I. Petrostate: Putin, Power, and the New Russia. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 16.*

² *Ibid. P. 87.*

и попытки «Газпрома» присоединить «Роснефть» и сформировать единый гигантский энергетический конгломерат «Госнефть». Однако этот план был заблокирован после нескольких месяцев закулисной борьбы¹. Но «Газпрому» позволили купить компанию «Сибнефть», принадлежавшую олигарху Р. Абрамовичу, за 13,1 млрд дол. в ноябре 2005 г. В конечном счете, «Газпром» и «Роснефть» стали ключевыми игроками российской нефтегазовой политики. Именно деятельность этих двух компаний дала основания экспертам и критикам путинской власти говорить о «национализации» российской нефтяной промышленности.

Для оценки сложившейся при Путине властно-собственнической и политической системы в экспертном сообществе появились самые разные, порой прямо противоположные характеристики. Одни отождествляют данную систему с авторитаризмом, другие — с «суверенной» демократией. В отношении путинской системы государственного и политического управления преобладали такие оценки, как «националистический авторитаризм», централизованный корпоративный этатизм, «ситуативная бюрократически-авторитарная государственность» и т.д. Более существенной надо признать довольно распространенную точку зрения, в соответствии с которой российская политическая система оценивается как корпоративная, а сама Россия — как государство, управляемое как большая корпорация, с опорой на корпоративно-клановые структуры. Наиболее яростно и красочно аргументы в пользу вывода о превращении путинской России в «корпоративное» «полицейское» государство излагал бывший экономический советник В. Путина, а ныне один из его беспощадных критиков Андрей Илларионов. 28 ноября 2005 г. в Российском государственном гуманитарном университете (РГУ) была организована его открытая лекция на тему «Венесуэлизация России». То, что обычно

¹ О нешуточном характере конфликта во властных верхах вокруг слияния двух госкомпаний (по сути дела, вокруг контроля над нефтяной отраслью России), который длился с декабря 2004 г. по февраль 2005 г., свидетельствовало то, что в нем участвовали наиболее влиятельные лица из Кремля и правительства: А. Кудрин, Д. Медведев, А. Миллер, В. Христенко на стороне «Газпрома»; С. Оганесян (глава федерального агентства по энергетике — ФАЭ), С. Богданчиков, И. Сечин на стороне «Роснефти». Процесс сопровождался многочисленными публичными комментариями обеих сторон (*Скоробогатько Д., Бутрин Д., Рыбальченко И., Киселёва Е.* Государство раскололось на нефть и газ. Борьба за контроль над «Роснефтью» перешла в открытую фазу // *Коммерсантъ*. 2005. 2 февраля. С. 1, 13).

считается признаками так называемой «голландской болезни» (приток в страну иностранной валюты, высокий прирост денежной массы, рост импорта и упадок национальной промышленности наряду с резкими темпами инфляции) А. Илларионов, вероятно, для пущей красочности назвал «венесуэльской болезнью». Позже он даже сравнил российский госкорпоративизм по-путински с моделью корпоративистского государства а-ля Муссолини с его цветистым стилем, но скудным содержанием. Такие характеристики, наделенные всеми чертами риторической напыщенности, были подхвачены другими критиками Владимира Путина, от Г. Каспарова до З. Бжезинского¹.

Данные эпизоды представляют собой наиболее исступленные проявления критики путинской России. Думается, что подобный дискурс по поводу России чаще всего является результатом либо идеологизированного рассмотрения проблемы, либо разжигания собственных эмоций, нежели бесстрастного анализа. Минусы и ограничения данных позиций отметил профессор С. Перегудов, который сделал вывод о том, что концепция корпоративного государства упрощает, «спрямляет» существующую в стране систему политических отношений².

Если оставить в стороне эмоционально-оценочные критерии и обратиться к фактам, то картина увеличения доли госкомпаний в общероссийской добыче нефти в эпоху «раннего» Путина — с 2000 по 2005 г. — окажется достаточно скромной: 26 %³. Так, если в 2003 г. их доля составляла около 24 %, а в 2007 г. увеличилась до 37,3 % (табл.), то к середине 2008 г. возросла до 43 %⁴. Таким образом, российское госу-

¹ Илларионов А. Другая страна // Коммерсант. 2006. 23 января. № 10/П (3341); Каспаров Г.: «Выхода нет. Какой строй сегодня в России?» Интервью на радио «Эхо Москвы». 2008. 2 мая; Brzezinski Z. Putin's Choice // The Washington Quarterly. 2008. Vol. 31. No. 2. P. 95–116.

² Перегудов С. Бизнес и бюрократия: особенности симбиоза. Можно ли считать Россию корпоративным государством? // Независимая газета. 2006. 11 марта; Перегудов С. П. Политическая система России после выборов 2007–2008 гг.: факторы стабилизации и дестабилизации. Ч. 2. // Полис. 2009. № 3. С. 158–159.

³ Орехин П., Самедова Е. Корпорация «Кремль» успешно поработала // Независимая газета. 2005. 26 июля. С. 1, 3; Виноградова О. «Путинг» в действии // Нефтегазовая вертикаль. 2007. № 15.

⁴ Перегудов С. П. Политическая система России после выборов 2007–2008 гг.: факторы стабилизации и дестабилизации. Ч. 2. С. 150.

дарство лишь увеличило прямой контроль над нефтегазовой индустрией после 2003 г. без всякой «национализации». Компании, контролируемые частными интересами, обеспечивают больше половины производства сырой нефти.

Таблица

Объемы производства нефти и газового конденсата российскими компаниями к концу второго срока президентства В. Путина в 2007 г.

Компании	Объемы производства (млн т)
I. Компании, контролируемые государством (федеральные и субнациональные)	
1) Роснефть	101,2
2) Газпромнефть	45,3
3) Татнефть	25,7
4) Башнефть	10,7
II. Частные компании	
1) Лукойл	91,1
2) ТНК-ВР	89,6
3) Сургутнефтегаз	63,8
4) Руснефть	14,2
III. Остальные	50,0
Всего	491,0
Доля компаний, контролируемых государством	37,3 %

Таблица составлена известным английским специалистом по России Филлипом Хансоном на основе подсчетов статистических данных, взятых с официальных сайтов указанных нефтегазовых компаний: *Hanson Ph. The Resistible Rise of State Control in the Russian Oil Industry // Eurasian Geography and Economics. 2009. No. 1. P. 15.*

Так что широко распространенное мнение о полной или преобладающей национализации нефтяной индустрии в путинской России и о том, что «Путин благополучно обратил приватизацию вспять» вплоть до «полного государственного реванша» в отрасли, является неверным. Вот как данное мнение было прокомментировано сотрудником французского Института международных отношений (IFRI) Тома Гомаром: «Важнейшим фактором демонстрации российской мощи при В. Путине стала энергетическая политика, основанная на ренационализации активов. Именно этот фактор подпитывал погоню России за пре-

стижем, что вылилось в подлинную внутреннюю и внешнюю одержимость Кремля»¹.

В своей совокупности государственные компании и компании с преобладающим участием государства составляли до финансового кризиса 2008 г. около половины акционерного капитала в России. В этом отношении показателен пример Газпрома, который также существует в виде гибрида — государственно-частной корпорации. Согласно информации газеты «Коммерсантъ», в целом реальная доля государства в «Газпроме» по состоянию на октябрь 2009 г. составляла 49,773 %².

После продажи «Юкоса» Роснефти, а «Сибнефти» Газпрому передел собственности в нефтегазовом секторе России вступил в новую фазу. Его жертвами стали крупные проекты с высокой долей иностранного участия: «Сахалин-1», «Сахалин-2», «Сахалин-3», «Сахалин-5». В итоге Газпром получил контрольный пакет в «Sakhalin Energy» с помощью административного давления на возглавляемый со стороны «Shell» консорциум, главным образом в виде наказания за нарушение экологических норм и несоблюдение графика строительства объектов.

Как видно, административное давление государства не было повсеместным и неразборчивым. Оно использовалось избирательно, тогда, когда это было необходимо. Все поняли: правила игры изменились.

Но каким стал характер новых правил? Был ли это простым отходом от старых правил 1990-х годов (когда государство было захвачено бизнес-интересами) к новым правилам (когда государство захватило бизнес)? Или же государство просто давало понять, что оно может отнять имущество у любого владельца бизнеса, если владелец вступит в конфликт с властями?

Невозможно точно измерить характер и баланс стимулов в недавнем увеличении государственного контроля над отраслью в рамках

¹ *Гомар Т.* Великое стратегическое одиночество // Независимая газета. 2009. 11 февраля. Не менее эффектно, хотя столь же недостоверно в свете сказанного звучит вывод другого западного эксперта Джошуа Курланчика: «В России Владимир Путин по сути дела закрыл большинство частных компаний по добыче природных ресурсов, чтобы за их счет укрепить отечественную компанию “«Газпром”» и прочие государственные корпорации» (*Kurlantzick J.* State Inc. // *The Boston Globe*. 2008. 17 March).

² *Мордюшенко О., Ребров Д.* «Газпрому» предлагают сдать акции. Чтобы восстановить контроль государства над монополией // *Коммерсантъ*. 2009. 22 октября. № 197 (4252).

стратегии внутрироссийского «ресурсного накопления». Дело не в форме собственности, а в системе политических стимулов, заложенных во внутренней организации политического устройства. В этом плане мы видим знакомое рентоориентированное поведение 1990-х годов, обнаруженное мною на региональном уровне. Гарантированный политический контроль над экономикой со стороны нынешней правящей группы и рентоориентированное поведение ее представителей, думается, играют ключевую роль в описываемых процессах. В нынешних российских условиях в качестве каналов для анонимного «высасывания» ренты не существует особой разницы между частно- или государственно контролируемыми компаниями. Нет смысла гадать о том, каково соотношение частных и государственных интересов в данном процессе. В коррумпированной политике различие между государственной и частной собственностью может быть менее значимо, чем это обычно принято считать. Как блестяще доказал английский ученый Филипп Хансон, стремление к политическому контролю и получению натуральной ресурсной ренты в современных российских условиях может осуществляться как частными нефтяными компаниями, поддерживаемыми надежными союзниками в лице представителей политической власти, так и контролируемыми государством компаниями¹.

Непрозрачность собственности многих российских компаний также помогает затемнять разделение между бизнесом и политикой. Речь идет о компаниях, контролируемых Россией, но зарегистрированных оффшорно. Обычно собственность, приносящая выгоду, может быть спрятана многими способами под разной юрисдикцией. Но российская собственность такого рода особенно запутана. Наиболее ярким примером подобной практики является «Gunvor» — крупнейший российский нефтетрейдер и третий по величине нефтетрейдер в мире, основанный в 1997 г. Владельцем компании является Геннадий Тимченко, товарищ и бизнес-партнер Владимира Путина. Еще один совладелец группы — швед Торбьерн Торнквист. Имя третьего владельца не раскрывается². Головная структура «Гунвора» (Gunvor International BV) зарегистрирована в Амстердаме, ее учредила кипрская фирма «Gunvor Cyprus

¹ *Hanson Ph.* The Resistible Rise of State Control in the Russian Oil Industry // Eurasian Geography and Economics. 2009. No. 1. P. 14–27.

² *Шлейнов Р.* Кто третий владелец «Гунвора»? // Новая газета. 2009. № 113 (1527). 12 октября. С. 2–3.

Holding Limited». Несколько фирм «Гунвора» Тимченко сосредоточены на Британских Виргинских островах. Амстердамский «Гунвор» и «Гунвор» с Виргинских островов имеют представительства в Женеве¹.

Моя цель не рассказ об оффшорных связях группы. Я говорю о том, насколько нынешняя российская власть одержима бизнес-интересами и стремлением запутать каналы их реализации. Например, очень сложно получить объяснение, почему в России крупные, в том числе подконтрольные государству, компании продают значительные объемы нефти структуре Тимченко (например, на долю трейдера приходится 60 % экспорта «Роснефти»). Другой пример. Российская компания «Сургутнефтегаз» отказалась предоставлять свои результаты GAAP (Generally Accepted Accounting Principles — Международные стандарты финансовой отчетности) в 2003 г. в целях сокрытия информации о собственности². Восьмая по объемам добычи нефтяная компания России «Руснефть» также не публиковала отчетности по международным стандартам. Вышеописанный нефтетрейдер «Гунвор» публично раскрыл свои обороты только в 2007 г. Наконец, для завершения картины отмечу, что долгое время не было подробной информации о структуре акционеров второй по величине (после Газпрома) газовой компании «НОВА-ТЭК».

Здесь необходимо признать преемственность поведенческой матрицы правящего класса путинской эпохи по большинству признаков ельцинской. Известный исследователь отечественной политической элиты

¹ Шлейнов Р. Нефтетрейдер «прозрачной воды» // Новая газета. 2009. № 92 (1506). 24 августа. С. 2–3.

² Belton C.; Buckley N. On the Offensive: How Gunvor Rose to the Top of Russian Oil Trading // Financial Times. 2008. 14 May; Hanson Ph. The Resistible Rise of State Control in the Russian Oil Industry // Eurasian Geography and Economics. 2009. No. 1. P. 25. Аналогичная ситуация наблюдается и в других отраслях. Так, арбитражный суд в швейцарском Цюрихе признал одного из бывших российских министров информационных технологий и связи Леонида Реймана, близкого друга Путина со времен службы во внешней разведке, единственным выгодополучающим владельцем бермудского фонда IPOC и конечным собственником ряда оффшоров, зарегистрированных в разных юрисдикциях и связанных с бизнесом IPOC. Единственная реакция российских властей заключалась в том, что они заблокировали распространение данной информации российскими СМИ (Цуканов И., Дорохов Р. Свидетель № 7. Арбитраж Цюриха признал его бенефициаром IPOC // Ведомости. 2006. 23 мая).

О. Гаман-Голутвина признает, что «90-е годы XX века впервые в российской истории стали периодом почти симбиотического слияния власти и бизнеса. И сегодня довольно трудно провести демаркационную линию между властью и бизнесом»¹. Понятно, что в таких условиях усиление государства есть не что иное, как усиление предпринимательских возможностей отдельных групп госслужащих.

Несмотря на то что в первые два года правления В. Путина в стране произошло значительное обновление высшего эшелона власти, новый лидер сохранил олигархическую модель собственности и власти, которая сложилась в 1990-е годы. Я говорю в данном случае о системе власти, воспроизводящей олигархическо-паразитическое поведение. Путинское окружение под разговоры о «сильном государстве» адаптировало эту модель к новым реалиям. Возникшие при Путине новые группы интересов были встроены в олигархические и перераспределительные механизмы 1990-х годов. Паразитическое и рентоориентированное поведение, как и прежде, осталось способом их существования и менеджмента.

Спору нет, путинские силовики определяют политическое развитие России. Они видоизменили существующий политический режим, но в рамках прежних стимулов, заложенных в 1990-е годы. Они превратили ельцинское анархо-автократическое правление с элементами карнавала в иерархическое и патерналистское государство. Но данная эволюция произошла в рамках ельцинской матрицы, в которой были заложены рентоориентированные и олигархические стимулы, а также краткосрочные интересы.

Даже внутренний раскол путинской элиты в рамках ельцинской матрицы является всего лишь формой перераспределения власти и собственности между ячейками системы. Об этом свидетельствуют «чечкестские войны», шокирующий подтекст и скандальное содержание которых раскрыл один из соратников Путина, бывший глава госнаркоконтроля (ФСКН) Виктор Черкесов в статье «Нельзя допустить, чтобы воины превратились в торговцев». Об этом же на весь мир поведал и совладелец промышленно-финансовой компании «Финансгрупп» Олег

¹ Гаман-Голутвина О. Содоклад к докладу Ахмета Эвина «Дилемма европеизации в свете соперничества внутри элит. На сравнительном опыте Турции и России» // Русские чтения. 2005. Вып. 1. Декабрь 2004 — июнь 2005. М.: «Группа эксперт», 2006. С. 83.

Шварцман в интервью «Партию для нас олицетворяет силовой блок, который возглавляет Игорь Иванович Сечин». В обоих материалах, опубликованных в «Коммерсанте»¹, рассказывается о тесном переплетении политических и бизнес-интересов на уровне руководства администрации президента и спецслужб.

Как отмечали известные российские эксперты Н. Кричевский и В. Иноземцев, главное отличие современной российской олигархии от образца 1990-х годов заключается в том, что «сейчас она не столько диктует государству свою волю, сколько выступает от его имени»². Аналогичным образом вряд ли можно считать сегодняшнюю коррупцию порождением одного лишь путинского госкапитализма. Все дело в том, что госкапитализм был возведен на либерально-монетаристском фундаменте, унаследованном из 1990-х годов

В частности, отношения «Путин — Ходорковский» и «Кремль — Юкос» доказывают, что природа политических стимулов и реакций нынешней российской элиты содержит в себе больше черт преемственности, чем изменений.

Если сравнить бизнес-тактику Ходорковского и бизнес-тактику нынешних кремлевских олигархов, то выясняется, что слишком большой разницы между ними нет. Кремль в своей политике в отношении ЮКОСа» использовал те же методы, что и Михаил Ходорковский в отношении своих партнеров и конкурентов. Известный аналитик Уильям Энгдаль писал по этому поводу: «Когда западные СМИ и официальные лица обвиняют путинскую Россию в возвращении к методам коммунистов и к политике грубой силы, то они в упор не замечают тот факт, что Ходорковский вряд ли сам был белым и пушистым. В свое время Ходорковский в одностороннем порядке разорвал контракт с British Petroleum, в результате чего значительные инвестиции BP в России пошли прахом. BP был партнером ЮКОСа и успел вложить 300 млн долларов в бурение перспективного Приобского нефтяного месторождения в Сибири. Как только BP завершил бурение, Ходорковский

¹ Черкесов В. Нельзя допустить, чтобы воины превратились в торговцев // Коммерсантъ. 2007. № 184 (3760) от 9 октября; Шварцман О. Партию для нас олицетворяет силовой блок, который возглавляет Игорь Иванович Сечин // Коммерсантъ. 2007. 30 ноября.

² Кричевский Н., Иноземцев В. Постпикалевская Россия: идеология временщиков // <www.krichevsky.ru; www.inozemtsev.net>.

выдворил британскую компанию, используя бандитские методы, которые были бы незаконны в большинстве стран развитого мира»¹.

Другой известный специалист по России, профессор Стэнфорда и бывший посол США в России Майкл Макфол отметил определенную иронию ситуации в истории с покупкой Роснефтью основных производств Юкоса (через подставную фирму) с последующим публичным размещением акций (IPOs) на лондонской фондовой бирже. Он отметил, что Игорь Сечин и другие руководители Роснефти используют ту же тактику, что и Михаил Ходорковский. Подробности Макфол описал следующим образом: «Парни из Кремля пользуются его стратегией, включая привлечение к работе консультантов по организации общественного мнения из Вашингтона, которые пудрят мозги таким людям, как я, и говорят, что предложение акций не такая уж и плохая вещь. Похоже, что все они движутся по одной и той же траектории. Они использовали политическую власть для кражи собственности, а сейчас пытаются легализовать ее на Западе. Именно так пытался действовать и Ходорковский»².

Как видим, инстинкты и методы обеих сторон — Ходорковского в 1990-е годы и Кремля в 2000-е — почти идентичны. С 2006 г. роли поменялись: в новой ситуации уже российское руководство обратило свои взоры на Запад, пытаясь превратить российские компании в крупных международных игроков. Тем самым оно стремилось конвертировать изъятую у олигархов собственность в денежные средства, а также пригласить крупные западные финансовые институты для участия в инвестировании российской нефтяной промышленности.

Несмотря на довольно значительное видоизменение существующего политического режима при Владимире Путине, поиск ренты и перераспределительные стимулы политической элиты получили свое раз-

¹ Эту оценку подтвердил бывший руководитель ВР, который так описал свою встречу с Михаилом Ходорковским: «Тихий, носящий очки “умника” Ходорковский на первый взгляд производил обманчивое впечатление. Он говорил о том, как избирать людей в Думу, как он может сделать так, чтобы нефтяные компании не платили большие налоги, и что у него под контролем находится большое количество влиятельных людей <...> В его манерах было что-то неприятное» (*Brown J. Regardless of what Putin stands for, he is exceedingly competent // The Times. 2010. 5 February.*)

² *McFaul M. After the Fall // The Washington Post. 2006. 24 December.*

витие в 2000-е годы. В данном контексте государство рассматривается не как средство, с помощью которого «народ длит и развивает свое историческое предназначение» (С. Кургинян), а как инструмент раздела и передела собственности с последующей легализацией их результатов. По сути дела, путинский Кремль сохранил постсоветскую модель, содержанием которой является спекулятивное затягивание переходного периода. Поэтому путинское государство, выросшее из ельцинской системы, оказалось неэффективным и олигархичным.

Я здесь говорю не о том или ином увеличении экономического и политического веса бизнеса в государстве¹ и характере отношений корпоративного бизнеса и политики, а о системе стимулов, формирующих рентоориентированную модель российской экономики и политики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, концепция рентоориентированного поведения позволяет приблизиться к лучшему пониманию текущих политических стимулов российской власти всех уровней. Еще раз подчеркну суть такого поведения. Она заключается в том, что политические и экономические субъекты тратят избыточные усилия на раздел существующего ресурсного пирога и снижают уровень производственных усилий по созданию добавленной стоимости и новых знаний. Как уже было отмечено в начале работы, вопрос рентоориентированного поведения нельзя рассматривать как чисто экономический. В подобной ситуации ключевой проблемой становится качество политической системы и государственных институтов, позволяющих ограничить или, наоборот, стимулировать рентоориентированные практики.

Как я показал на региональном примере, в 1990-е годы многие местные и региональные администрации установили у себя то, что называ-

¹ О существенном повышении роли бизнес-элиты в государственном управлении, опираясь на данные «элитологов», писал и С.П. Перегудов. Так, если доля госслужащих, имеющих опыт работы в бизнесе, составлял в 1993 г. всего 1,6 %, а в 2002 г. — 11,3 %, то в 2008 г. она достигла 39,8 %. Фактом является дальнейшее переплетение экономических и политических элит (в том числе через включение влиятельных представителей большого бизнеса в разработку «партийной линии» «Единой России»), в результате чего происходит инкорпорация большого бизнеса в систему власти (*Перегудов С.П.* Политическая система России после выборов 2007–2008 гг.: факторы стабилизации и дестабилизации. Ч. 2. С. 146).

ется протекционистским рэкетом. Однако в постельцинской России Владимир Путин просто централизовал, или «кремленизировал», эту практику. Новые кремлевские лидеры остановили свой выбор на централизованном протекционистском контроле. В 2000-е годы произошла монополизация рентоориентированной модели федеральным центром. В этом также заключается преимущество политики Путина практики ельцинской эпохи.

В 2000-е годы Путину и Медведеву приходилось корректировать стратегическую олигархическую линию поведения, взятую Россией в 1990-е годы. В первую очередь за счет притока нефтедолларов. Повышение мировых цен на нефть с 10 дол. за баррель в 1998 г. до 147,27 долларов дол. в июле 2008 г. и последующий уровень цен в пределах 100–110 дол. за баррель вплоть до 2014 г. принесло России огромные дополнительные доходы. С 2000 по 2008 г. ВВП был более чем удвоен, золотовалютные запасы выросли в 60 раз (до начала мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. они составляли 600 млрд дол.). Ещё одним впечатляющим фактом стало то, что во втором квартале 2009 г. по объемам поставок сырой нефти и нефтепродуктов Россия впервые обогнала признанного лидера мировой нефтяной отрасли Саудовскую Аравию: 7,4 млн баррелей в день против 7 млн.

Здесь я могу подтвердить тезис о рентоориентированном поведении как непродуктивной модели социальной стабилизации в переходном обществе, каким является Россия. Путинская эра, несмотря на все издержки коррумпированного и нестабильного государства, принесла удвоение реальных доходов, 50%-ное снижение уровня бедности, 70%-ный рост ВВП и накопление 157 млрд дол. в Стабилизационном фонде. О масштабах притока в страну нефтедолларов свидетельствует тот факт, что в предкризисном 2007 г. они составили 1 млрд дол. в неделю¹. Развитие энергетического сектора стало главным двигателем российского экономического выздоровления в начале XXI столетия после августовского кризиса 1998 г. Сказался указанный рост и на уровне жизни российских граждан. Доля людей, живущих в бедности, сократилась наполовину (с 30 % населения до 14 %) в течение периода, когда доходы государства удвоились благодаря более эффективному налогообложению взлетевших рентных доходов от нефти и газа. По подсчетам

¹ Волков В. Лекция: Трансформация российского государства после 2000 года // Полит. Ру. <www.polit.ru/article/2009/04/02/estado/>.

австралийского специалиста Росса Кэмерона, реальные зарплаты росли со скоростью примерно 12 % в год. При Путине произошел резкий рост численности среднего класса — с 8 миллионов до 55 миллионов человек¹.

Настоящая проблема, однако, состоит в том, что центральным элементом политического процесса в России сегодня остается распределение и перераспределение ренты. Это поведение наиболее привлекательно для современной политической элиты. Экономический рост путинской эпохи эксплуатировал прежние ресурсы и инфраструктуру. В свою очередь, рядовые россияне, пережившие в 1990-е годы тяжесть борьбы за выживание, в последние благополучные десятилетия тоже получили свою выгоду в рамках рентнораспределительной системы.

Таким образом, стратегия «рантье» при Путине, суть которой — централизация и перераспределение ренты от природных ресурсов через госбюджет, позволила поднять материальный уровень жизни граждан. Власти, которые чувствовали себя с каждым годом все увереннее, поощряли текущее потребление, отдав тем самым предпочтение стабильности (в лице набирающей силу новой кремлевской идеологии «консерватизма») перед динамизмом и модернизацией.

¹ *Cameron R. Putin marks 10 years of extraordinary achievement // The Sydney Morning Herald. January 11, 2010.*